

## ПРИЧАСТЕН ЛИ БОДУЭН БУЛОНСКИЙ К УБИЙСТВУ ТОРОСА, ПРАВИТЕЛЯ ЭДЕССЫ?

Е. А. Гуринов

Минск, Фонд развития и поддержки арменоведческих исследований «Анив»,  
[gurinoveugene@gmail.com](mailto:gurinoveugene@gmail.com)

В ходе Первого крестового похода Бодуэн Булонский, один из второстепенных предводителей крестоносцев, отделился от основной армии, а затем был приглашён в Эдессу в Верхней Месопотамии для защиты города от тюрок. Бодуэн был усыновлен армянином Торосом, номинальным византийским наместником, и назначен его соправителем и преемником. В марте 1098 г. Торос был убит в ходе восстания горожан, инспирированного членами городского совета, и Бодуэн стал правителем Эдессы. В настоящей статье предпринята попытка на основе анализа латинских, армянских и сирийских источников ответить на вопрос, причастен ли Бодуэн к убийству Тороса. Следует отметить два момента. Во-первых, ни один из хронистов, за исключением Михаила Сирийца, чья информация противоречива, не обвиняет Бодуэна в смерти Тороса. Во-вторых, Бодуэн принёс клятву позволить Торосу удалиться в Мелитену; более того, Бодуэн и Торос были связаны псевдо-родством, возникшим в результате усыновления. Принимая это во внимание, можно предположить, что Бодуэн не желал убивать Тороса, который был его приёмным отцом, поскольку в противном случае его ждало бы божественное наказание как клятвопреступника и отцеубийцы.

*Ключевые слова:* Эдесса; Первый крестовый поход; государства крестоносцев; Византия; армяне; усыновление; псевдо-родство; клятва; реликвии.

In the course of the First Crusade, Baldwin of Boulogne, a second rank Crusader leader, left the main army and then was invited to Edessa in Upper Mesopotamia to protect the city against the Turks. Baldwin was adopted by the Armenian Thoros, a nominally Byzantine governor, and was appointed his co-ruler and successor. In March 1098 Thoros was murdered in a popular uprising inspired by members of the city council, and Baldwin became ruler of Edessa. Based on Latin, Armenian, and Syriac sources, this article is aimed at answering the question of whether Baldwin was involved in the murder of Thoros. There are two points to note. First, no one chronicler, except Michael the Syrian whose report is contradictory, accuses Baldwin in Thoros' death. Second, Baldwin swore a solemn oath to permit Thoros to retire to Melitene; and, moreover, Baldwin and Thoros were bound by adoptive ties of kinship. Taking this into account, it may be assumed that Baldwin did not wish to assassinate Thoros, his adoptive father, because if he did so, he would be divinely punished as oathbreaker and *patricida* (person who murders his own father).

*Keywords:* Edessa; First Crusade; Crusader states; Byzantium; Armenians; adoption; pseudo-kinship; oath; relics.

*Введение.* К концу XI в. город Эдесса (ныне Шанлыурфа, Турция), расположенный в Верхней Месопотамии, номинально находился под властью Византии, а фактически – поскольку после поражения при Манцикерте (1071 г.) империя утратила контроль над восточными фемами – был независим. Власть в городе делили между собой византийский наместник (дука) и совет ишханов, куда входили представители городской аристократии. С 1095 г. дукой Эдессы был армянин-халкидонит Торос, сын Хетума. Между ним и советом шла борьба за власть.

Осенью 1097 г. от главной армии Первого крестового похода отделился отряд под командованием Бодуэна Булонского. Бодуэн направился в Приевфратье, где установил контроль над Телль-Баширом, Раванданом и прилегающими землями. В начале 1098 г. члены совета ишханов пригласили его в Эдессу в качестве защитника от тюрок. По прибытии Бодуэна Торос вначале предложил ему службу наёмника, однако затем под давлением ишханов усыновил его и сделал его своим соправителем и наследником. После неудачного франко-армянского похода на Самосату эдесские ишханы составили заговор против Тороса. Участие в нём приняли армянский князь Константин Каркарский и Бодуэн Булонский. По наущению заговорщиков горожане убили Тороса, после чего дукой стал Бодуэн [15, t. 2, p. 1026–1036].

Мнения исследователей по вопросу о причастности Бодуэна к убийству Тороса можно свести к трем основным точкам зрения: 1) Бодуэн виновен в убийстве Тороса: он предал своего приёмного отца и выдал его на смерть заговорщикам [1, с. 178–180; 5; 11, с. 37–38; 21, S. 79–80]; 2) на Бодуэне лежит часть вины за гибель Тороса: он мог спасти его, однако сознательно не стал этого делать [15, t. 2, p. 1034–1036, 1050; 20, p. 433–438; 24, S. 40–48]; 3) Бодуэн не виновен в гибели Тороса [14, p. 109–112].

При этом большинство исследователей, пытаясь понять мотивы Бодуэна Булонского, совершенно упускает из виду, что перед нами человек рубежа XI–XII веков, чьи ценности и модели поведения отличаются от наших. В корне неверно ставить вопрос о том, насколько выгодным было для Бодуэна физическое устранение Тороса как противника в борьбе за власть, не пытаясь при этом понять, как виделось ему убийство Тороса в свете религии и морали.

Часто выводы исследователей и вовсе основаны не на анализе источников, а на их собственных идеологических взглядах. Прежде всего это касается советских историков, стремившихся показать, что в основе поступков крестоносцев «лежали низменные, корыстные, завоевательные побуждения» [4, с. 242, 267]. Соответственно, Бодуэна Булонского они представляли как вероломного, коварного и лицемерного интригана, готового ради власти на всё [5, с. 159–160].

Цель данной работы – рассмотреть вопрос о причастности Бодуэна Булонского к убийству Тороса. Для этого необходимо ответить на два частных вопроса: 1) имеются ли у нас бесспорные доказательства участия Бодуэна в убийстве Тороса? 2) было ли выгодно Бодуэну физическое устранение Тороса? Ответ на второй вопрос невозможен без использования методов исторической антропологии. Другими словами, недостаточно просто сопоставить между собой сообщения источников с целью установить тот или иной факт – требуется интерпретировать эти факты в более широком контексте мировосприятия, верований и социальных практик, разделяемых основными действующими лицами.

*Источники.* Наиболее обстоятельный рассказ об убийстве Тороса содержится в хронике Альберта Ахенского [12, p. 172–176]. Он был записан в начале XII в. на основе рассказов крестоносцев. Прочие латинские источники играют вспомогательную роль. Даже рассказ очевидца событий Фуше Шартрского [18, S. 203–215] из-за своей краткости не может сравниться с рассказом Альберта.

Среди армянских источников выделяется хроника Матвея Эдесского. Вторая её часть, в которой помещён рассказ об убийстве Тороса [10, с. 278–282], была написана, вероятнее всего, в 10-х годах XII в. В силу эсхатологической направленности хроники франки представлены в ней как храбрые воины, которые, однако, подвержены греху, за что Бог наказывает их. Информация Матвея с

незначительными изменениями вошла в позднюю хронику псевдо-Смбата [9, с. 104–106].

Значительное внимание событиям в Эдессе уделено в анонимной сирийской хронике 1234 г. [13, р. 41–42], опирающейся при описании периода франкского господства на несохранившиеся источники. В их числе могла быть хроника Василия, сирийского митрополита Эдессы, составленная около 1150 г.

В хронике Михаила Сирийца (1126–1199) можно найти небольшой рассказ о призвании франков в Эдессу и несколько фрагментарных упоминаний об убийстве Тороса [6, с. 23; 7, с. 30, 33]. Одно из них — со ссылкой на Василия Эдесского — заканчивается словами «граф Бодуэн, убивший сына Хетума» [12, с. 23]. Это дало некоторым историкам основание обвинять Бодуэна в убийстве Тороса. Но в другом месте хроники сказано, что «куропалат Торос, сын Хетума, был убит жителями Эдессы» [7, с. 33]. Наличие двух взаимно противоречащих сообщений заставляет осторожно подходить к информации Михаила Сирийца.

*Убийство Тороса.* Заговор против Тороса возник вскоре после франко-армянского похода на Самосату, во второй половине февраля 1098 г. Латинские хронисты, как и сирийский аноним, не называют Бодуэна среди заговорщиков. К примеру, у Альберта составителями заговора названы «весь сенат [т. е. городской совет] и все горожане», а также князь Константин Каркарский [12, р. 172]. Об участии Бодуэна в заговоре сообщает лишь Матвей Эдесский: «нашлись лживые и злонамеренные люди и вступили в соглашение с графом [Бодуэном], чтобы им убить куропалата Тороса [...]. И в те дни сорок человек вступили меж собой в Иудин сговор и ночью пришли к графу Бодуэну, [...] они вовлекли его в свой злой замысел и обещали отдать Эдессу ему в руки, и он одобрил их злой замысел. Они вовлекли [в это дело] и армянского князя Константина [Каркарского]» [10, с. 280].

В назначенный день (7 марта) заговорщики подняли горожан против Тороса, разграбили дома его сторонников и захватили верхнюю крепость. Торос бежал в нижнюю крепость, где и был осажден 8 марта. Находясь в безвыходном положении, он пошел на переговоры с заговорщиками и «попросил у них клятву, что они не причинят ему вреда», обещая взамен передать им крепость, город и все накопленные богатства, а самому удалиться вместе с женой к своему тестю Гавриилу, правителю Мелитены [9, с. 105].

Описание этой клятвы приводит Матвей Эдесский: «[Торос] дал им святой Крест Варага и [святой Крест] Макеноец, и граф [Бодуэн] поклялся на них посреди церкви Святых Апостолов, что не причинит ему вреда. Он поклялся архангелами и ангелами, а также пророками и святыми патриархами и сонмом всех мучеников в том, что было написано в письме от Тороса к графу. И он поклялся всеми его святыми» [10, с. 280]. После принесения клятвы «Торос передал крепость Бодуэну, и все ишханы города вошли в крепость». Но на следующий день (9 марта) в крепость ворвались горожане и сбросили Тороса со стены в гущу столпившегося внизу народа. Там его добились, а над телом надругались. После этого жители Эдессы поставили Бодуэна дукой города, передали ему крепости и казну Тороса (10 марта) [10, с. 280–282].

Дополнительные сведения о роли Бодуэна в заговоре сообщают латинские хронисты. Альберт Ахенский пишет, что заговорщики посвятили в свои планы Бодуэна лишь после начала восстания, однако тот отказался пойти на убийство Тороса и просил разрешения уговорить его добровольно оставить пост дуки и покинуть Эдессу. Но, когда Торос согласился на это, «сенат и все горожане» якобы отказались выполнять договоренность, «единодушно выкрикивая, что [Торос] не уйдет ни живой, ни невредимый». Видя бессмысленность переговоров, Торос

попытался бежать из крепости, однако был застрелен из луков [12, р. 172–176; сравн.: 27, р. 238]. Согласно Гиберу Ножанскому, Бодуэн был осажден вместе с Торосом во «дворце» (*curiam*) и намеревался с оружием в руках защищать своего приёмного отца, однако последний упрямил его «прекратить сопротивляться», после чего вышел к разъярённым горожанам и принял смерть [19, р. 165].

Как видим, Альберт Ахенский, как и остальные латинские хронисты, стремится представить Бодуэна в максимально выгодном свете. Это, однако, не означает, что он причастен к убийству Тороса. Матвей Эдесский, которого сложно заподозрить в симпатиях к Бодуэну, прямо называет убийцами Тороса восставших горожан: «они совершили превеликий грех перед богом [...] и в этот день они преступили клятву» [10, с. 280–282]. Можно было бы предположить, что живший под властью франков армянский хронист просто побоялся написать правду. Однако ниже в тексте, описывая засуху и голод, поразивших Эдессу в 548 г. а. э. [1099 г.], Матвей называет их Божьей карой, посланной жителям города за то, что они «принесли клятву на кресте и Евангелии» сохранить жизнь Торосу, но затем нарушили её [10, с. 290]. Ни франки, ни Бодуэн в этом пассаже не упоминаются.

*Мотивы Бодуэна Булонского.* Если бы Бодуэн замыслил убийство Тороса, то вряд ли он стал бы клясться в церкви Святых Апостолов. Клятва была фундаментальным институтом средневекового общества. Принесение её на некоем священном объекте (*res sacra*), в результате чего человек физически вступал в контакт со священной силой, призвано было сделать клятву ещё более нерушимой [23, р. 132–158]. Упомянутый у Матвея крест из монастыря Вараг представлял собой ковчег с частицей Честного Креста. Согласно армянской традиции, она была привезена в Армению из Рима в конце III – начале IV вв. святой Рипсимэ, тогда как франки полагали, что она была перенесена в Эдессу из Иерусалима после смерти императора Ираклия [3, с. 272–279]. Клятва на столь значимой реликвии имела особое значение для каждого христианина.

Помимо клятвы Бодуэн был связан обязательствами по отношению к Торосу, возникшими в результате его усыновления. В ходе церемонии усыновления, описанной в латинских источниках, (1) Бодуэн и Торос принесли клятву, (2) обнажённый Бодуэн пролез между нижней рубашкой и телом Тороса, а затем (3) Торос заключил Бодуэна в объятия и поцеловал. После этого аналогичные действия (пп. 2 и 3) над Бодуэном проделала супруга Тороса [12, р. 170; 17, S. 209; 18, S. 210; 19, р. 163–164; 25, р. 86 (note f); 26, р. 140; 27, р. 237, 453]. Данный обряд символически имитировал рождение Бодуэна Булонского. Можно сравнить его с традиционным армянским обрядом усыновления (XIX–XX вв.), зафиксированным в нескольких формах, из которых чаще всего прибегали к тройному пропусканию усыновляемого через рубашку старшей женщины в роду [8, с. 36–37], или с похожими примерами усыновления у других народов.

Средневековые западноевропейские канонисты рассматривали усыновление как как подражание природе (*naturae similitudo, imitatio naturae*). Этот институт уходит своими корнями в римское право. Двумя наиболее распространёнными формами усыновления были *adoptio* и *adrogatio*. Хронисты подчёркивают, что Торос принял Бодуэна «в сыновья и наследники» (*in filium et haeredem adoptaverat*) [17, S. 209; 18, S. 210]. Это указание, равно как и то, что к тому времени Бодуэн, несомненно, являлся *persona sui iuris*, позволяет заключить, что он был усыновлён Торосом, – с точки зрения европейского права, – через *adrogatio*. В этом случае Бодуэн полностью переходил под отцовскую власть Тороса и мог наследовать ему после смерти наравне с его биологическими законнорожденными детьми. Некоторые канонисты и вовсе полагали, что усыновленный через *adrogatio* ничем

не отличался от биологических детей, хотя другие рассматривали кровные узы между отцом и сыном как более сильные, нежели связи, возникавшие в ходе усыновления.

Сам Бодуэн воспринимал свой статус по отношению к Торосу либо как равный статусу биологического сына, либо близкий к таковому. Соответственно, участие в убийстве Тороса автоматически делало его отцеубийцей. Это было очевидно для современников, и неслучайно Альберт Ахенский приписывает Бодуэну следующие слова, обращённые к членам городского совета: «Было бы страшным грехом перед Богом, если бы я без причины поднял руку на этого мужа, которого я принял себе в отцы и которому принёс клятву (*fidem*). Молю вас не дать мне запятнать себя его кровью и смертью и не допустить, чтобы имя моё было презираемо среди князей христианского войска» [12, р. 174].

В средневековой Европе отцеубийство (*patricidium*), как и убийство любого близкого родственника (*parricidium*), рассматривалось как более тяжкий грех, нежели убийство человека, не состоявшего в родстве с убийцей. Символично, что в европейской легендарной традиции отцеубийцей и мужем собственной матери был не только царь Эдип, но и самый первый среди всех предателей – Иуда Искарот. Как правило, убивший чужого человека должен был выплатить штраф его родственникам. Однако *parricida* уподоблялся проклятому Каину, поэтому его следовало изолировать от общества или даже вовсе изгнать, дабы он не запятнал других людей своей ритуальной нечистотой. По этой же причине *parricida* не допускался к участию в мессе и не мог причащаться. Такой человек мог очиститься от греха только через церковное наказание: покаянное паломничество продолжительностью, как правило, в семь лет и часто в оковах, разного рода аскетические практики и тому подобное [22, р. 73–93].

*Заключение.* Заговор против Тороса, организованный в марте 1098 г. членами городского совета, полностью соответствовал политическим традициям Эдессы, где, начиная с конца 70-х годов XI в., ишханы несколько раз свержали неугодных им дук. Роль Бодуэна в заговоре была не более чем ролью посредника в переговорах между ишханами и Торосом. Матвей Эдесский попытался в своей хронике преувеличить влияние Бодуэна, но не сумел избежать нестыковок: клятву приносит Бодуэн, но Торос просит клятву «у них» (т. е. у ишханов) и «им» же передает реликвии для принесения клятвы; Торос сдаёт крепость «Бодуэну», но входят в неё «все ишханы города».

За исключением Михаила Сирийца, чья информация противоречива, как было показано выше, никто из хронистов не обвиняет Бодуэна Булонского в убийстве Тороса. Бодуэн и Торос рассматривали друг друга, скорее, как соперников в борьбе за власть, нежели как отца и сына. Об этом свидетельствует тот факт, что первоначально Торос предложил Бодуэну службу наёмника и только потом под давлением ишханов вынужден был разделить с ним власть в Эдессе [12, р. 168–170]. Но всё же Бодуэн был заинтересован в сохранении жизни престарелому куропалату. В случае убийства Тороса самим Бодуэном, по его приказу или при его сознательном бездействии отрицательные последствия для него перевешивали положительные. Физическое устранение Тороса исключило бы вероятность того, что в дальнейшем он попытается вернуть себе власть в Эдессе (например, с помощью своего тестя Гавриила). Но в этом случае Бодуэн запятнал бы себя сразу двумя тяжкими грехами: клятвопреступлением и отцеубийством. Для средневекового человека эти моменты, напрямую связанные с посмертной участью его души, были гораздо важнее, чем выгода от устранения противника *hic et nunc*.

В связи с этим хотелось бы остановиться на одном моменте. В 1971 г. Чарльз Доусет выразил сомнение в том, что усыновление Бодуэна Торосом, описанное латинскими хронистами, в действительности имело место. По мнению Доусета, в действительности это была неверно понятая франками церемония крещения Бодуэна, на которой Торос и его супруга выступили как крёстные родители [16, р. 207–211, 224–225 (note 96)]. Одним из аргументов в защиту этого утверждения является тот факт, что должность дуки в Византии не являлась наследственной [впрочем, сравн.: 15, t. 2, р. 1003–1007]. Несколько лет назад, полемизируя с Доусетом, я попытался обосновать тезис о том, что Бодуэн стал дукой Эдессы именно через усыновление [2]. Однако вполне возможно, что Торос усыновил Бодуэна вне всякой связи с назначением его своим соправителем и преемником, а исключительно для того, чтобы с помощью этих квазиродственных связей обеспечить себе лояльность Бодуэна и свести к минимуму вероятность того, что тот попытается свергнуть или убить Тороса. В то же время франки, несомненно, восприняли назначение Бодуэна преемником Тороса как прямое следствие его усыновления последним, что нашло своё отражение в латинских хрониках.

Поскольку Торос получил клятвенные гарантии своей безопасности не только от Бодуэна, но и от остальных заговорщиков-ишханов, его убийство, скорее всего, стало результатом трагического стечения обстоятельств. Торос был убит неконтролируемой толпой горожан, ворвавшихся в крепость. В этой ситуации Бодуэн объективно не мог предотвратить гибель своего приёмного отца.

Таким образом, данное исследование ещё раз продемонстрировало, как важно при работе со средневековым материалом помнить, что в центре внимания историка находится, прежде всего, человек, но этот человек – «Другой». Игнорирование того, что этот «Другой» обладал ценностями и мировоззренческими ориентирами, отличными от наших, неизбежно приводит к неверной интерпретации его поступков и, в конечном счёте, к ошибочным выводам.

### Библиографические ссылки

1. Арутюнова-Фиданян, В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.) / В. А. Арутюнова-Фиданян. – Ереван, 1980.
2. Гуринов, Е. А. К вопросу об основании графства Эдесского / Е. А. Гуринов // Веснік БДУ. Серыя 3: Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2014. – № 3. – С. 45–50.
3. Гуринов, Е. А., Нечитайлов, М. В. Войска и войны Латинского Востока: графство Эдесское / Е. А. Гуринов, М. В. Нечитайлов. – М., 2018.
4. Заборов, М. А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская историография XI–XIII веков) / М. А. Заборов. – М., 1966.
5. Заборов, М. А. К вопросу о значении известных восточных современников крестовых походов / М. А. Заборов // Историко-филологический журнал. – 1968. – № 3. – С. 153–162.
6. Из «Хроники» Михаила Сирийца / пер. Р. А. Гусейнова // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1973. – М., 1979. – С. 26–54.
7. Из «Хроники» Михаила Сирийца (статья третья) / пер. Р. А. Гусейнова // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1975. – М., 1982. – С. 16–33.
8. Карапетян, Э. Т. Армянская семейная община / Э. Т. Карапетян. – Ереван, 1958.
9. Летопись Смбата Спапарета / изд. С. Агелян. – Венеция, 1956 [на арм. яз.].
10. Маттеос Урхаеци. Хронография / древнеарм. текст М. Мелик-Адамьяна, Н. Тер-Микаеляна; новоарм. пер. и комм. Р. Бартикяна. – Ереван, 1991.

11. Тер-Петросян, Л. Крестоносцы и армяне / Л. Тер-Петросян. – Т. 1. – Ереван, 2005 [на арм. яз.].
12. Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem* / ed., trans. S. B. Edgington. – Oxford, 2007.
13. Anonymi auctoris *Chronicon ad A.C. 1234 pertinens* / trad. A. Abouna. – Louvain, 1974.
14. Beaumont, A. A. Albert of Aachen and the County of Edessa / A. A. Beaumont // *The Crusades and Other Historical Essays, Presented to Dana C. Munro by His Former Students*. – N. Y., 1928. – P. 101–138.
15. Dédéyan, G. Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés. Etude sur les pouvoirs Arméniens dans Le Proche-Orient Méditerranéen (1068–1150) / G. Dédéyan. – T. 1–2. – Lisbonne, 2003.
16. Dowsett, C. J. F. A Twelfth-century Armenian Inscription at Edessa / C. J. F. Dowsett // *Iran and Islam: In memory of the late Vladimir Minorsky* / ed. C. E. Bosworth. – Edinburgh, 1971. – P. 197–227.
17. Ekkehardi Uraugiensis abbatis *Hierosolymita* / hrsg. H. Hagenmeyer. – Tübingen, 1877.
18. Fulcheri Carnotensis. *Historia Hierosolymitana (1095–1127)* / hrsg. H. Hagenmeyer. – Heidelberg, 1913.
19. Guiberti Novigenti *Historia quae inscribitur Dei gesta per Francos* / ed. R. B. C. Huygens. – Turnhout, 1996.
20. Laurent, J. Des Grecs aux Croisés: étude sur l’histoire d’Edesse entre 1071 et 1098 / J. Laurent // *Byzantion*. – 1924. – T. 1. – P. 367–449.
21. Luders, A. *Kreuzzüge im Urteil syrischer und armenischer Quellen* / A. Luders. – Berlin, 1964.
22. Platelle, H. *Présence de l’au-delà: Une vision médiévale du monde* / H. Platelle. – P., 2004.
23. Snoek, G. J. C. *Medieval Piety from Relics to the Eucharist: A Process of Mutual Interaction* / G. J. C. Snoek. – Leiden; N. Y., 1995.
24. Ter-Grigorian Iskenderian, G. *Die Kreuzfahrer und ihre Beziehungen zu den armenischen Nachbarfürsten bis zum Untergange der Grafschaft Edessa* / G. Ter-Grigorian Iskenderian. – Weida in Thüringen, 1915.
25. *The Historia Ierosolimitana of Baldric of Bourgueil* / ed. S. Biddlecombe. – Rochester; N. Y., 2014.
26. *The Historia vie Hierosolimitane of Gilo of Paris and a Second, Anonymous Author* / ed., trans. C. W. Grocock, J. E. Siberry. – Oxford, 1997.
27. *Willemi Tyrensis Archiepiscopi Chronicon* / ed. R. B. C. Huygens. – Turnhout, 1986.

## **К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ АРАВИИ В СОСТАВ САСАНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ**

**В. А. Дмитриев**

Псков, Псковский государственный университет, [dva\\_psk@mail.ru](mailto:dva_psk@mail.ru)

Автор утверждает, что подчинение Восточного и Южного побережья Аравии Ардаширу Папакану следует рассматривать как первый этап длительной борьбы Сасанидов за установление персидского господства над прибрежной зоной Аравийского полуострова от Южного Ирака до Йемена.

*Ключевые слова:* Аравия; Ардашир Папакан; Сасаниды.